

4. Мифология селькупов / рук-ль авторского коллектива Н.А. Тучкова. – Томск : Изд-во Томского университета, 2004. – 382 с.
5. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Э.Г. Беккер. – Томск : Изд-во ТГПУ, 1995. – 284 с.
6. Полякова, Н.В. Образ огня в языковой картине мира селькупов / Н.В. Полякова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6 (171). – С. 54–57.
7. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В.В. Быконя. – Томск : Издательство ТГПУ, 2005. – 348 с.
8. Alatalo, J. Sölkupisches Wörterbuch / J. Alatalo. – Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2004. – 465 S.
9. Dulson, A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen / A. Dulson // СФУ. – 1971. – № 7. – С. 35–43.
10. Janhunen, J. Samojedischer Wortschatz (Gemeinsamojedische Etymologien) / J. Janhunen. – Helsinki : Helsingin yliopisto, 1977. – 186 S.

Н.В. Полякова^{1, 2}

¹*Томский государственный педагогический университет,*

²*Национальный исследовательский*

Томский политехнический университет

Языковой выбор: причины, условия и факторы

В статье рассматриваются термины «языковой сдвиг» и «языковой выбор». Выявляются и описываются причины, условия и факторы, влияющие на выбор языка. Акцентируется внимание на редуцировании речевой способности. Проводится анализ факторов, способствующих выбору языка у автохтонных миноритарных этносов Томской области.

Ключевые слова: языковой сдвиг; языковой выбор; факторы языкового выбора; исчезающие языки; миноритарные этносы Томской области.

Проблема языковой смерти и языкового сдвига относительно недавно стала объектом лингвистических исследований [1, 2, 3], несмотря на то, что данные явления фиксировались учеными в разных странах на протяжении длительного периода времени. Данный феномен может быть легко объясним целым рядом факторов: во-первых, на начальной и заключительной стадиях языковой сдвиг весьма сложно фиксируется (вначале изменения не носят системного и массового характера, а на заключительной стадии этнос уже сделал выбор в пользу иного языка), во-вторых, полевые

лингвисты, занимающиеся фиксацией эмпирических данных языков, находящихся под угрозой исчезновения, стремились собрать большой объем эмпирических данных, свободных от интерферирующего влияния другого языка.

Следует подчеркнуть, что степень витальности языков коренных миноритарных этносов Российской Федерации демонстрирует высокую степень дифференциации от стабильных и благополучных до исчезнувших, заснувших, засыпающих. Разработчики проекта «Языки России» относят стабильные языки к четвертому типу языковой витальности – язык способен к дальнейшему функционированию и развитию, заснувшие – к первой группе) [5].

Осознавая всю ответственность за сбор данных по исчезающим языкам, полевые лингвисты стремились зафиксировать максимально подробно, объемно данные «засыпающих языков». Для решения этой задачи полевые лингвисты работали преимущественно с носителями языка старшего поколения, поскольку именно они в полном объеме владели родным языком. Речь носителей языка среднего и младшего поколений практически не становилась объектом исследования, поскольку в этой речи наблюдалась языковая интерференция и ее результаты – значительные лексические, фонетические и грамматические изменения. Собирался «чистый» эмпирический материал, не подвергшийся интерферирующему влиянию. В случае, если языковая интерференция отмечалась и в речи представителей старшего поколения, это становилось достаточным основанием для отнесения языков, находящихся под влиянием интерферирующих факторов, к числу неполноценных и недостойных внимания исследователей.

Стремление полевых лингвистов зафиксировать данные исчезающих языков не может не заслуживать всесторонней поддержки и ободрения, однако сбор исключительно свободного от интерферирующего влияния эмпирического материала лишил возможности проследить разные этапы языкового сдвига.

На данный факт в 1972 году обратил внимание научной общественности Вольфганг Дресслер, назвав данный феномен «полевой слепотой», поскольку в стремлении фиксировать исключительно корректные языковые факты игнорировалась реальная языковая ситуация и не засвидетельствованы этапы языкового сдвига [6, с. 455].

Несмотря на наличие большого количества исследований сам механизм языкового сдвига, механизм влияния разных факторов на язык, его структуру и состояние, до настоящего времени не изучен.

К числу важнейших факторов, предопределяющих языковой сдвиг, относят: исторические, демографические, географические, социально-

структурные, институциональные и отношение (внутри- и внегрупповые отношения меньшинства) [1, с. 12].

Представляется весьма затруднительным провести ранжирование данных факторов по их значимости для возникновения языкового сдвига. Однако данные факторы ставят как отдельного человека, так и этнос в целом перевод языковым выбором. В социолингвистике языковой выбор рассматривается преимущественно по отношению к отдельному человеку как мотивация выбора того или иного языка из нескольких возможностей.

Н.Б. Вахтин выделяет три группы факторов, способствующих языковому выбору: прагматические факторы, мотивацию ожидания окружающих и мотивацию самоидентификации [1].

Прагматические факторы позволяют объяснить неиспользование родного языка и переход на другой язык из-за того, что ряд членов этнической общности плохо владеет языком своей национальности, поэтому испытывают затруднения в общении и стеснение перед теми, кто гораздо лучше владеет языком, другая часть представителей данной общности пассивно владеет или не владеет языком своих предков вообще.

Рассмотрим вопрос о степени владения языком более подробно. Данная проблема должна стать объектом отдельного лингвистического исследования, в рамках же настоящей статьи будут обозначены основные моменты, требующие детального анализа. Следует предположить, что в системе засыпающего языка могут и не происходить значительные изменения, однако у среднего и младшего поколений может фиксироваться значительное снижение степени владения этой системой в речевой деятельности в сравнении с представителями старшего поколения. Необходимо скрупулезно разграничивать системные изменения в языке и недостаточный уровень языковой компетенции его носителей. Степень владения языком рассматривают как речевую способность, т. е. способность использовать языковую систему в речевой деятельности (ср. термин «*language competence*») [3, с. 102–103].

В условиях языкового сдвига редукция речевой способности проявляется в порождении речи, т. е. способность понимать речь на языке своих предков сохраняется значительно дольше, чем способность порождать высказывания. Данные сведения позволяют утверждать, что процесс ревитализации языка будет особенно эффективен в том случае, если среди представителей этнической общности не только носители языка с нередуцированной речевой способностью, но и значительное количество людей, сохранивших способность воспринимать и понимать высказывания на этническом языке.

Ограниченное владение языковой системой проявляется у разных возрастных и социальных групп: в раннем возрасте, когда дети только

начинают говорить; у людей, страдающих афазией; у изучающих иностранный язык (преимущественно на начальных этапах его освоения). В этот перечень следует включить также тех, кто пассивно владеет языком своих предков и с высокой долей вероятности считающих его своим родным, но не способен передать его детям в качестве родного языка.

Наличие носителей языка с редуцированной речевой способностью не означает наличия в языке системных изменений, это свидетельствует о снижении коммуникативной мощности языка в связи с переходом представителей этнической общности на другой язык и утрате продуктивных речевых навыков.

Редуцированная речевая способность отражается на всех уровнях языка: в сокращении количества лексических единиц и синтаксических конструкций, образование единиц по правилам доминирующего языка, изменении в произношении и других.

Когда язык, подверженный угрозе исчезновения, лишается своих последних активных носителей, какие-либо системные изменения в нем становятся, по-видимому, вообще невозможными [3].

Другими словами, если подавляющее большинство представителей этнической общности демонстрируют ограниченную речевую способность, это исключает значительные изменения в языке. Для того, чтобы выстоять в конкурентной борьбе с социально доминирующим языком, необходимы значительные изменения в системе языка, что становится невозможным в связи с полным отсутствием активных носителей языка либо их чрезвычайно малым количеством.

Еще одним фактором, влияющим на языковой выбор, является мотивация ожидания окружающих. Н.Б. Вахтин подчеркивает неоднородность языкового окружения человека и выделяет в нем «своих» и «чужих» [1, с. 15]

Человек может осуществить языковой выбор в пользу одного из языков, стремясь соответствовать традиционным моделям поведения и образа жизни и получая одобрение в глазах автохтонного населения, или же перенимая инновационные нормы и модели поведения и хозяйствования, стремиться заслужить одобрение аллохтонного населения.

Однако на выбор языка может оказать огромное влияние государство. Это влияние может иметь как позитивные, так и негативные последствия для витальности языков, и подтолкнуть людей к выбору одного языка и отказу от другого языка. Если обратиться к анализу ситуации с языками автохтонных миноритарных этносов, проживающих на территории Томской области (подробнее см. [4]), то следует обозначить факторы, подтолкнувшие представителей селькупского, хантыйского, эвенкийского и чулымского этносов к выбору русского языка в качестве единственного средства

общения (за редким исключением данные языки не функционируют как средство коммуникации в неформальных и формальных ситуациях общения):

- приток русского населения на территорию Сибири;
- укрупнение и смешанное население поселков;
- разрушение традиционного уклада жизни, включая традиционные формы хозяйствования;
- преподавание в школах на русском языке;
- изъятие детей из традиционного семейного окружения и помещение их в интернаты с запретом на использование родного языка;
- большое количество смешанных браков.

Массовый приток русского населения в Сибирь не только способствовал интенсификации контактов автохтонных языков и русского языка, обладающих разными социолингвистическими статусами, но и привел к масштабным преобразованиям в укладе жизни и формах хозяйственной деятельности.

Разрушение традиционного уклада жизни и форм хозяйствования способствовало сокращению коммуникативной мощи языков коренных малочисленных народов и появлению билингвизма, который не получил массового распространения.

Государство стремилось предоставить возможность всем детям получить среднее образование. Для решения данной задачи создавались школы-интернаты, в которых обучались, в том числе, и дети коренных малочисленных этносов Томской области. Следует особо отметить отсутствие письменности на языках коренных малочисленных этносов, что способствовало использованию русского языка в процессе обучения: на нем шло преподавание всех предметов, выпускались учебники и книги.

Сворачиванию коммуникативной рамки языков миноритарных этносов Томской области способствовал поворот государственной политики в сторону всеобщей русификации населения, имевший место в середине 50-х годов прошлого века. К данному моменту полевые лингвисты фиксировали факты двуязычия, которые рассматривались ими как проявления языкового равновесия. Вместе с тем двуязычие не успело приобрести массовый характер, а установка на формирование единого советского народа принуждала представителей автохтонных этносов к отказу от этнических языков в пользу русского языка.

Третьей причиной, влияющей на выбор языка, является мотивация самоидентификации. Языковой фактор позволяет как отдельному человеку, так и этносу в целом подчеркнуть свою идентичность. Гимн Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока Российской Федерации, написанный Верой Петровной Тузаковой,

подчеркивает стремление коренных народов сохранить свою национальную идентичность, что отражено даже в названии «Мы – коренные». Переход на другой язык может быть обусловлен стремлением этнической общности к интеграции, отказу от национальной самоидентификации и ее смене.

К прагматическим факторам можно отнести и сознательный отказ взрослых передавать родной язык своим детям. Причины такого отказа кроются в стремлении родителей облегчить своим детям процесс социальной интеграции и обеспечить прочный фундамент для профессиональной реализации.

Резюмируя всё вышеизложенное, следует отметить, что наличие одних и тех же факторов, оказывающих влияние на языковой выбор, может привести к разным социолингвистическим ситуациям: к отказу от языка этнической общности и переходу на другой язык или к возникновению устойчивого двуязычия. Самым мощным фактором, оказывающим существенное влияние на выбор языка, является политика государства. Именно государство способно создать условия для сохранения двуязычия и продолжения функционирования языков коренных малочисленных этносов.

Литература

1. Вахтин, Н.Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) / Н.Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 11–16.
2. Кобенко, Ю.В. Роль языкового выбора в развитии титульного языка / Ю.В. Кобенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 3 (115). – С. 162–165.
3. Певнов, А.М. Язык на грани смены / А.М. Певнов // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. Сборник статей / отв. ред. Н.Б. Вахтин. – Санкт-Петербург : Нестор, 2007. – С. 99–114.
4. Полякова, Н.В. Витальность языков коренных малочисленных этносов Томской области / Н.В. Полякова // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Сборник трудов кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. – Москва, 2023. – С. 36–41.
5. Проект «Языки России». – URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/> (дата обращения: 10.10.2023). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.
6. Dressler, W. On the phonology of language death / W. Dressler // Papers from the Eighth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society / Ed. By P.M. Peranteau, J.N. Levi and G.C. Phares. Chicago : Chicago Linguistic Society, 1972. – P. 448–57.

Науч. конс.: Кобенко Ю.В., д-р филол. н., проф.